

Нил Гейман, Майкл Ривз

Интермир. Серебряная греза

The Silver Dream

An InterWorld Novel

Story by Neil Gaiman and Michael Reaves

Written by Michael Reaves and Mallory Reaves

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Writers House LLC и Synopsis Literary Agency.

Copyright © 2013 by Neil Gaiman, Michael Reaves and Mallory Reaves

© А. Сафронов, перевод на русский язык, 2015

© Издательство АСТ, 2015

*** * ***

Мэллори с безмерной благодарностью от Майкла и Нила

Перечень персонажей

Отряд Джои

Джои Харкер

Джей/О ХрКр – киборг мужского пола, юная версия Джои.

Джаи – старший офицер мужского пола. Высокодуховен, любит многосложные слова.

Джейкон Хаарканен – женского пола, полуволчица.

Джо – женского пола, крылата, но способна летать лишь в магических мирах.

Йозеф Хокун – мужского пола, выходец с более тяжелой планеты. Крупный и сильный.

Прочие примечательные Путники

Джея – женского пола, золотисто-рыжая, сладкоголосая, как сирена.

Джено – женского пола, полукошка. Озорница.

Ежи Харкар – мужского пола, проворный и ловкий птичечеловек с перьями на голове вместо волос. Лучший друг Джои на Базе.

Жуакин – мужского пола, новый Путник.

Джолиетта – женщина-вампир. Подруга-соперница Джо.

Йоренсен – командир мужского пола. Добродушный молчун.

Учителя и воины

Жару – мужского пола, библиотекарь. Фанат знаний, эксцентричен и дружелюбен.

Жейяр – мужского пола, учитель импровизации и культуры. Весел, харизматичен.

Джеми – женского пола, преподавательница основных языков.

Эрнан – мужского пола, интендант. В хозяйстве строг и прижимист.

Жират – женского пола, учительница алхимии. Создана из эктоплазмы.

Джоб – старший офицер мужского пола, командир отряда. Спокоен, участлив.

Джона – офицер мужского пола. Из магического мира. Кожа у него как древесная кора.

Джорисина – офицер женского пола. Из магического мира. Похожа на эльфа.

Джозеф Харкер (Старик) – главнокомандующий Интермира. Пожилая версия Джои. Суров, имеет кибернетический глаз.

Джозетта – женского пола, адъютант Старика. Дружелюбна, собрана, деловита.

Джози – женского пола, офицер. В ее длинные золотистые волосы вплетены ножи.

Глава первая

Зовите меня Джо.

Сделайте милость.

Нет, я вовсе не против «Джои». Нормальное имя, славно послужившее мне в юные годы. Но то-то и оно. Мне теперь шестнадцать, даже почти семнадцать, и я уже не чувствую себя Джои. Впрочем, неудивительно: версий у меня больше, чем клонов в «Звездных войнах». Если вдуматься, я вроде как пережил самый крутой личностный кризис всех времен и народов, так что имею полное право хотя бы выкинуть одну паршивую буковку из собственного имени.

Все это я пытался растолковать Джаи, что было непросто, поскольку наш отряд как раз засекли лазутчики Бинарии и обстреливали нас особо зловредными снарядами, с виду похожими на здоровенные ртутные капли. И потом, чтобы поболтать с Джаи так запросто, надо чтобы тебе в детстве вживили в загривок словарный чип. Мне не вживили.

Джаи меня выслушал, выпустил в ответ очередь таких же ртутных снарядов (вообще-то их называют «плазменные стручки», если вам интересно), а потом спросил:

– Твое решение безальтернативно?

У него за спиной Джейкон, вся такая мохнатая и гибкая, вскочила на крышку энергетического конденсатора и зарычала, выглядывая очередную жертву. Похоже, мою девичье-волчью версию все это слегка забавляло. Такая уж она, ничего не попишешь, – но, с другой стороны, что тут плохого, если кто-то любит свою работу...

– Извини! – буркнул Джаи, поверх моего плеча шаря излучателем по огромному цеху заброшенной электростанции. Потом нажал спуск. «Бдум!» – откликнулся излучатель. В нагруднике защитного костюма Джаи, точно в кривом зеркале, отразилось судорожное шевеление –

бинарий на гравитроне хотел исподтишка атаковать, но плазменный стручок его сшиб и положил конец, как выразился бы Джаи, связующей силе атомов. Я бы сказал проще: лазутчик шпокнул, растаяв в дымном облачке.

Наступило короткое затишье, и я им воспользовался, чтобы уточнить смысл вопроса, который Джаи мне задал пару секунд назад.

– Чё? – переспросил я. (В отличие от Джаи, я пользуюсь общедоступным языком.)

– Твое решение безальтернативно? – терпеливо повторил Джаи и повел излучателем: **бдум! бдум!**

Рядышком Джей/О пальнул из своей лазерной руки по кучке атакующих лазутчиков.

– Он хочет сказать, ты точно решил? – любезно разъяснил он. Я закатил глаза и не стал ему отвечать. У Джей/О словарный чип в загровке имеется, и он не упускает случая об этом напомнить.

– Вправду ли я хочу изменить свое имя? Да.

– Нет, я спрашиваю, сколь глубоко ты убежден, что по биологическим часам своего организма ты достиг шестнадцати.

Я уж хотел сказать, чтоб Джаи не шибко умничал, но осекся. В чем-то он прав.

По большому счету, перемещения Путников нельзя назвать путешествиями во времени, однако всем нам известно, что время вовсе не самостоятельно: в каждом из мириадов миров, представляющих собой разнообразные вариации Земли, оно течет по-своему. Хотя я никогда не встречал такую планету, где время отличалось бы от субъективного, – скажем, Землю, на которой все **го-о-во-ря-я-ят... о-ч-е-н-ь... ме-е-ед-л-е-н-н-о**, или Землю, где **всесуетятсяточноврономкиноибешенострекогут**, – но это еще ничего не значит. На самом деле все равно в разных измерениях время движется быстрее или медленнее. И еще мы знаем, что после долгого визита в другой мир внутреннее чувство времени сбивается: организм должен заново приспособиться к изменившейся темпоральной реальности.

Как обитатель Интермира я вдоволь навидался всяческих параллельных измерений. Так что у Джаи имелись веские основания для такого вопроса. Ну, до некоторой степени. Как я понимаю, я мог быть старше, чем значилось в моей метрике. Или моложе. Но загвоздка в том, что невозможно определить скорость времени «вне» измерения, в котором ты пребываешь. И даже если бы способ нашелся, то как быть с Промежутком – этой безумной лоскутной мешаниной из всевозможных реальностей и миров, через которую Путник срезает дорогу из одного измерения в другое? Кроме того, все это слишком субъективно и привязано к сознанию, так что тебе и впрямь «столько, на сколько ты себя чувствуешь».

Все это я высказал Джаи, но тот взглянул на меня так, словно я заявил, что небо голубое. (Как правило. Здесь-то оно, скорее, зеленоватое.)

– Ультимативно, – ответил он, снова поставив меня в тупик. – Но сколь глубоко ты убежден, что твоя таковость определяется твоей номенклатурной единицей?

– Чего?

– Твоей номенклатурной единицей. То есть именем.

– Это я понял. Моя так... что?

– Таковость. Твоя сущность. Свойства, которые делают тебя тобой, а не, скажем, мной.

– Даже я этого не знал, – проворчал Джей/О и, похоже, спрятал новую информацию в заглазничник.

– Забавная мысль, – заметил я. – Учитывая, что ты – это я. Или я – это ты, если угодно.

– Все обладают свойствами, придающими уникальность. Именно таковость делает тебя тобой.

Бдум! Бдум! Шпок!

Я раздумывал над его словами, пока очередной корнеплод отдавал концы.

К подобным зрелищам я уже почти привык, что было неплохо, но вместе с тем внушало опасения, если вы меня понимаете. Излучатель разрушал атомные связи: чик – и всё. Вернее, шпок. Конечно, эти существа не вполне люди. С виду вроде человек, а присмотришься – кожа восковая и какая-то недоделанная. Оно и понятно: это, в сущности, клоны, созданные из целлюлозы и растительного материала. Бинарии здорово намастырились штамповать пушечное мясо. Не хуже магов ХЕКСа, чьи армии укомплектованы зомби. И чего дергаться, что кого-то убиваешь, если жертва уже на девять десятых мертва? Но меня тревожило, что я отношусь к этому все спокойнее. Понимаете?

Я хотел еще что-нибудь сказать, но тут раздались шаги Йозефа. Он родом из гораздо более плотного мира, поэтому его походку трудно не распознать.

– Что случилось? – спросил я не оборачиваясь: выцеливал очередного корнеплода.

Джозеф медлил с ответом; я нажал на гашетку (**шпок!**) и глянул через плечо.

– У них подкрепление, – обеспокоенно прогудел Йозеф.

– Большое? – спросил Джаи, и я понял, что дело плохо, поскольку обычно все его реплики не короче десяти слогов.

Йозеф кивнул:

– Такое, что враз не сочтешь.

Джей/О уставился на соседний брандмауэр.

– Подключаюсь к камере наружного наблюдения, – сообщил он.

Джей/О – моя киберорганическая версия с планеты, которая сейчас очухивается после Войны машин. В нем больше гидравлического масла, чем крови, и потому его побледневшая физиономия говорила, что дело **из рук вон** плохо. Джей/О моложе меня на пару лет. На заданиях всегда хладнокровен (и не упускает случая это отметить), но вот в такие минуты я вспоминаю, что он совсем еще мальчишка.

– Давай глянем, – сказал я.

У Джей/О один глаз кибернетический – на вид ничем не отличается от обычного, но снабжен электронной схемой. Глаз этот вспыхнул, и на стене появилась черно-белая проекция улицы. Поначалу смотреть было не на что – остовы домов, искореженная арматура и все такое. Но потом...

Что-то шевельнулось.

Да как пошло шевелиться!

Сквозь проломы в стенах, канализационные люки и даже трещины в тротуарах на развороченные улицы хлынули корнеплоды. За пару минут их набралось не меньше сотни. И они всё прибывали.

Джей/О транслировал только изображение, да я и не уверен, что там был какой-то звук. И впрямь, жуткое зрелище: в полном безмолвии волна за волной приближались враги...

Потом я смекнул: тишина означала, что они уже внутри, на электростанции, и приостановили атаку. Ну конечно – зачем тратить силы, когда можно просто сидеть и ждать? Нас всего шестеро, а их пять сотен с лишним...

Мои терзания по поводу собственного имени вдруг показались какой-то чушью.

Стены и пол начали подрагивать. Овощные клоны подошли вплотную.

– Ну что, бесстрашный вожак? – спросила Джо, еще одна моя версия – девушка с белыми ангельскими крыльями за спиной.

– Думаю, нам крышка, – прогремел Йозеф. Как правило, здоровяки флегматичны, а такого богатыря еще поискать.

– Фига с два! – Я крепче ухватил излучатель.

Джейкон повернулась ко мне – на мохнатой мордочке поблескивали глаза.

– И что ты собираешься делать?

– Что-нибудь придумаю, – ответил я с уверенностью, которой вовсе не чувствовал.

Выстрел корнеплода уничтожил камеру, к которой подключился Джей/О. Картинка лопнула, и на экране теперь не отображалось ничего, кроме статических помех. На дальнем краю цеха копошились бойцы бинариев, уцелевшие в первой атаке. Позади меня разлетелось окно, и корнеплоды полезли внутрь.

Я судорожно огляделся – влево, вправо, вверх, вниз. В потолке виднелись отдушины, через которые, видимо, можно попасть в вентиляционные шахты, но это вряд ли сгодится. Йозефу не пролезть – он вдвое меня крупнее и вчетверо тяжелее. Крылатая Джо здесь может только планировать – для полета ей необходимо, чтобы воздух был пропитан магией, а здешний мир, полностью захваченный бинариями, гораздо ближе к технологическому краю Дуги. Да и больше одного пассажира ей не поднять.

Я вскинул руку, готовясь отдать приказ к атаке. Времени на другие варианты уже не осталось. Портала поблизости я не чувствовал, так что через Промежуток нам не смыться. Если бы Тони пошел с нами на задание, все могло бы сложиться иначе, но многомерный малыш вел себя точно кот: время от времени куда-то пропадал и не возвращался неделями.

Требовалось чудо, однако в окружении бинариев не шибко верилось в «бога из машины».

Оставалось только драться. Но прежде чем я успел отдать приказ, воздух перед нами накалился. Повеяло приятным теплом – будто зябким вечером оказался у камина. Сияние превратилось в овал, из которого вышла девушка.

Моих примерно лет. Темная лохматая шевелюра и чудной наряд, будто собранный из разных времен и мест: мавританские шальвары, мантия эпохи Возрождения и блуза, смахивавшая на викторианскую. Но все это я разглядел позже. В тот миг я заметил только ее руки.

Вернее, ногти. Каждый был точно крохотная монтажная плата. Девушка

наставила правый указательный палец на лазутчиков Бинарии. Ноготь налился зеленым светом; свет окутал корнеплодов, и они... окоченели. Не в смысле замерзли – просто замерли. Потом девушка протянула к нам левый мизинец, он тоже засветился, и нас накрыло пурпурным светом.

Прежде чем все исчезло, девушка взглянула на меня. Я успел подметить фиалковые глаза в обрамлении длинных ресниц.

– Привет, симпатяга, – сказала девушка. И подмигнула.

Джейкон ухмыльнулась, показав клыки. Я понял, что цех исчезает, а сама заливаюсь краской до корней волос.

Глава вторая

Вам смешно, а я славлюсь тем, что могу заблудиться по дороге от койки в туалет.

Когда-то я думал, что просто обделен путеводным инстинктом – уж такой уродился. Но за последние два года я понял, что все не так просто. Оказалось, что так паршиво я ориентируюсь только в трех основных пространственных измерениях: длине, широте и высоте. Однако существуют и другие направления, целая уйма. По крайней мере еще восемь, а то и больше.

Если вы повторите мою ошибку и попытаетесь зримо представить эти восемь направлений, под прямым углом отходящие от трех общеизвестных, у вас заломит лоб, будто от мороженого. Где находятся эти дополнительные измерения? Почему с ними нельзя взаимодействовать, как с тремя нам знакомыми?

Короче говоря, в тот самый миг, когда возникла вселенная, утверждают великие умы нашей Базы, эти величины были «компактифицированы» (звание ученого прелестно еще и тем, что можно выдумывать новые слова), то есть каким-то образом съежились до размеров меньше атомного диаметра. Если взять одну из величин «большой тройки» – скажем, направление «вверх», – ее можно использовать как бесконечный вектор и унести прочь от Земли – миновать Луну, Марс, покинуть Солнечную систему и кануть во мрак. «Вверх» никогда не кончится.

Всё потому, что мы (во всяком случае, большинство из нас) обитаем в трехмерном мире (или, говоря формально, четырехмерном, если время считать за четвертое измерение). В трехмерном мире трем векторам хватает места, чтобы от точки разойтись под углами девяносто градусов: они взаимно перпендикулярны. (Время пока можно не брать в расчет, так как до определенной точки удаления по асимптотической кривой оно остается константой.) Но есть и другие вселенные, где правила «мягче» и для иных направлений остается больше «места».

Понимаю, представить это трудно. Но запомните: о вселенной мы знаем лишь то, что отфильтровано нашими органами чувств, а это далеко не всё. Возьмите, к примеру, спектр электромагнитных волн. Он включает в себя всю энергию, питающую космос: от длинных ленивых радиоволн, с которыми мы знакомы благодаря кухонным микроволновкам, до рентгеновских и гамма-лучей, которым хватает мощи пронизать целую галактику. А видим всего лишь крошечный ломтик из всего этого волшебного и бесконечного разнообразия энергии – какие-то жалкие семь цветов. Это все равно что получить приглашение на роскошный банкет, где вам позволено лишь подбирать объедки с тарелок.

Поэтому вспомните все, что сейчас я сказал, и попытайтесь вообразить все это разом. Представьте предметы невиданных цветов и текстур. Они перемещаются под немислимыми углами, шныряют туда-сюда и преображаются, издавая удивительные звуки. Теперь все это перемешайте. И представьте, как это отражается в двух треснувших зеркалах, поставленных друг против друга. **Примерно** так и выглядит Промежуток.

Вот туда-то девушка нас и забрала, и это было самое мучительное из моих перемещений. Я уже и со счету сбился, сколько раз путешествовал по Промежутку, но еще никогда от прыжка меня так не мутило.

Еще не открыв глаза, я уже понял, где мы. Все мои органы чувств, внутренние и внешние, кричали об этом в один голос. Об этом же говорили невероятные переменчивые звуки: на первом плане – перезвон ветряных колокольчиков, а далеким фоном – автомобильные гудки, рокот, птичий щебет, шум воды и обрывки древнего, еще тридцатых годов, инструментала – «Пауэрхаус» Рэймонда Скотта^[1], которого обожал мой отец. Если вы смотрели старый мультфильм «Веселые мелодии» от «Уорнер Бразерс», то, наверное, помните эту музыку. Пахло паприкой и шоколадом, а еще тянуло вязким лекарственным запахом, который я не смог определить. Ветерок то ласкал, будто перышко, то царапал, как мелкий наждак. И это, прошу заметить, я еще даже глаз не открыл.

А вот теперь открыл.

Я стоял на чем-то вроде глобуса от «Рэнд Макнелли»^[2]. Планетка была футов двадцати в поперечнике, а я торчал из нее под углом в сорок пять

градусов где-то посередине между экватором и южным полюсом, точно Маленький Принц на своем астероиде (если считать за южный тот полюс, что располагался «внизу»). Соратники мои тоже стояли или парили неподалеку на таких же штуковинах.

И что-то тут было не так.

Нелепая мысль: ведь в Промежутке по определению всё не так. Это, можно сказать, квинтэссенция **нетакости**, энтропийная свалка. Сказать, что здесь что-то не так, все равно как назвать лорда Догнайфа **страшненьким**.

Однако чувство «чего-то не такого» было безошибочным. Мало того, оно не отпускало.

Тут и Джо открыла глаза, и по их выражению я понял, что она чувствует то же самое.

– Куда ты нас приволок? – Во взгляде Джей/О читался укор.

– Никуда я вас не волок! – огрызнулся я. – Это всё девушка!

Формально командиром считался Джаи, но после того учебного задания, на котором все пошло наперекосяк и я спас команду из лап чародеев ХЕКСа, во всякой передрыге взгляды товарищей обращались ко мне. Роль неофициального лидера имеет свои минусы, и это худший из них: чуть что, так ты сразу во всем виноват.

– Отлично, и куда же нас затащила твоя **подружка**? – В голосе Джо осуждения было не меньше, чем во взгляде Джей/О. Я вновь покраснел, что вряд ли говорило в мою пользу, однако попытался возразить:

– Вовсе она не моя...

Я не закончил, потому что соратники мои изумленно ахнули, уставившись куда-то мне за спину. Услышав незнакомый голос, я резко развернулся и принял боевую стойку. Знаю, это смахивает на дешевый боевик с кунг-фу, но в Промежутке учишься соображать быстро.

– Да, я тоже полагаю, что это скороспелый вывод, – произнесла таинственная девушка и опять мне подмигнула. – Мы же только что познакомились.

– Кто ты? – В голосе, задавшем вопрос, не слышалось ни капли страха, он был ясен и тверд, но, к сожалению, принадлежал не мне, а Джейкон. Я сумел только хрюкнуть. Казалось, язык мой завязался в гордиев узел.

– Друг, – просто ответила девушка, чуть дернув плечом. Дома, еще до того как мою жизнь заполонили Мульти– и Альтиверсумы и мои собственные версии, наделенные мехом, клыками, крыльями и бионическими имплантатами, я страстно, безудержно и навеки втюрился в девушку по имени Ровена. Иногда, робея или дурачась, она вот так же простодушно дергала плечиком. Я обожал этот жест, полагая, что ее смешат мои реплики типа «Контрольная была что-то с чем-то, а?» или «Они всерьез думают, что мы пробежим милю за восемь минут?».

– Яснее не стало, – сказал я и перешагнул с миниатюрной планеты на ярко-красный куб размером с чемодан, деловито выворачивавшийся наизнанку. Едва я на него ступил, он успокоился. Гравитация приладилась к новой мизансцене, а «планетка» моя съежилась в точку и исчезла. Я лишь скользнул по ней взглядом. Как ни странно, воспоминание о Ровене придало мне решимости. Вообще-то я никогда толком с ней не разговаривал. Что сказать такой девушке, если ты – всего лишь один из сотен школьников? Тогда во мне не было ничего особенного.

Но теперь я не просто школьник, я – Путник. (Конечно, если вдуматься, я и сейчас, в общем-то, лишь один экземпляр из многосотенной армии собственных вариаций, но подобные мысли следовало гнать – они не укрепляли мою самооценку.)

– Говори, кто ты, куда ты нас привела и...

Во взгляде ее вспыхнуло нечто сродни уважению, но, скорее, это было удивление тем, что пунцовый недоумок способен на членораздельную речь. Видимо, второе вернее, потому что девушка спросила:

– Ты что, не узнаешь Промежуток?

– Конечно, узнаю... – начал я, но она меня перебила:

– Тогда вторая часть вопроса неуместна.

– ...но это не **наш** Промежуток, – упрямо договорил я. И тут до меня дошло, что причина неуютного чувства «что-то не так» кроется в девушке. Эта незнакомка вполне могла оказаться агентом магов или бинариев. Но почему-то хотелось ей верить. И это меня пугало не на шутку. Я не мог допустить, чтобы она выведала наш путь на Базу. Вряд ли девушка его знала. Дорога в Интермир требовала особой формулы, известной только Путникам. А девушка явно не Путник. Однако перенеслась в Промежуток...

– Ты прав. – Девушка смотрела задумчиво. – И не прав, но больше прав. Извини, что так вышло. Надо было стряхнуть с хвоста бинариев. – Она снова дернула плечиком и подмигнула. – Но теперь беспокоиться не о чем, все улажено.

Тут нас опять окутало пурпурным светом, и в тот же миг накрыло жуткое чувство, что ты вообще непонятно где...

А потом мы оказались дома, на Базе. И все вокруг было знакомо и привычно. Мы вернулись в Интермир.

Вот только...

Девушка переместилась с нами.

Глава третья

Старик, он...

Вот представьте себе, что у вашей школьной директрисы и самого строгого из всех ваших дедушек родился ребенок. Причем его угораздило появиться на свет в самый последний день летних каникул. И как только вы в очередной раз пытаетесь слямзить печенье из банки, этот милый ребеночек тут как тут – и смотрит на вас с укоризной. Представили? Ну так вот Старик – он точно такой же. Он как будто только для того и существует, чтобы напоминать обо всех ваших прошлых и будущих каверзах, неудачах и промахах.

По крайней мере, ощущение именно такое. Особенно когда ты провалил задание.

Как мы. Затаив дыхание, мы стояли в его кабинете, а он по очереди нас оглядывал. Даже новенькая девушка притихла.

– По-моему, нет нужды еще раз говорить, насколько важным было ваше задание и как бездарно вы его профукали.

Старик осуждающе буравил нас бионическим глазом. Никто не знал, из чего он сделан (одни говорили, это изобретение бинариев, другие – мол, обычный протез, околдованный магами), но все сходились на том, что глаз этот видит нас насквозь.

Подобные просвечивания страшно меня нервируют еще и потому, что Старик – самая точная моя копия из всех обитателей Базы (включая Джей/О). Он – это я, но только на десятилетия постаревший, прошедший через войны, перенесший немало личных трагедий и парочку восстановительных операций. Этакая воплощенная совесть, которой все про тебя известно, потому что он – это, в общем-то, ты.

Кроме того, в черепушке его хранится такой объем информации, какой не вместила бы память всей прорвы компьютеров с тысячи планет.

– Я отправил вас на Землю FΔ986 с особым заданием, однако и часу не прошло, как вы возвращаетесь с пустыми руками, да еще и с никому не известной гостьей.

Я открыл рот, непонятно зачем. Имени девушки я не знал и представить ее не мог.

К счастью, меня избавили от хлопот.

– Акасия Джонс, – безо всякого стеснения представилась девушка, но, слава богу, не полезла пожимать Старiku руку. И тотчас выпалила: – Только не вздумайте!

Она смотрела на меня, поэтому, надеюсь, вопрос мой прозвучал не слишком идиотски:

– Чего не вздумать?

– Называть меня Кейси. – Впрочем, перед Стариком ее бравада слегка угасла. Уж он-то осадит кого угодно, и его сдержанно насмешливый взгляд заставил ее добавить: – Э-э-э, сэр. Пожалуйста.

В самой язвительной своей манере (по крайней мере, на мой слух) Старик заверил, что никогда себе этого не позволит, и перестал ее замечать, слушая наш доклад. Он не шевелился и даже почти не дышал, но взгляд его становился все тяжелее.

По окончании нашего рапорта повисло молчание, и нам хватило ума его не нарушить. Хватило почти всем.

– Извините, сэр, но в любом случае все так бы и обернулось.

– Я был бы признателен, юная леди, если бы вы держали рот на замке и укоротили свой нос. – Старик испепелил взглядом нашего «зайца», и девица чуть сникла.

– Я прошу прощения, сэр, но...

Старик не шелохнулся и даже не повысил голос, но создалось полное впечатление, что в его тесном кабинете взорвалась бомба. Краем глаза

я видел, как соратники мои пригнулись, пытаясь укрыться от осколков.

– За **что** вас простить, мисс Акасия только-попробуйте-назвать-меня-Кейси-и-узнаете-почем-фунт-лиха Джонс?

Под взглядом Старика Акасия маленько напряглась и вздохнула. Я думал, сейчас она разразится речью, но девушка молчала. Только разглядывала Старика, явно сдерживаясь.

– Путник, веди отряд в душ и столовую, – через секунду сказал Старик. Казалось, ему все надоело. Он зашуршал бумагами на столе, притворяясь, будто не замечает, как мы помялись и, переглянувшись, двинулись к выходу. Вместе с Акасией.

Далеко она не ушла.

– Вы не член отряда, мисс Джонс. Сядьте.

Я успел заметить удивление и тревогу на лице девушки, когда она шагнула к стулу. Потом Джаи, выходявший последним, закрыл дверь.

– Видали? – прошептал Джей/О, когда мы благополучно выбрались в коридор. – Она перечила. И **одолела** его.

– Боюсь, такую оценку событий следует признать несколько преувеличенной, – пробормотал Джаи. – Хотя, вне всяких сомнений, факт беспрецедентный.

– И странный, – добавил Йозеф.

– Да, – кивнул Джаи. – **Чрезвычайно** странный.

Душ и еда после задания – невыразимый кайф. По возвращении из Промежутка чувствуешь себя каким-то чумазым – будто облепленным всем, что видел, слышал, осязал и обонял. Ну, словно в детском саду после урока рисования покатался в мусорном ведре. Кроме того, прыжки по измерениям всегда озадачивают желудок, поэтому в путешествие лучше

отправляться натошак. В общем, ничто не сравнится с горячим душем и горячей едой, если вдобавок она приправлена поздравлениями с успешно выполненной работой.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)